

Позиция по вопросам атомной энергетики

сети климатических общественных организаций в
регионе Восточной Европы, Кавказа и
Центральной Азии

КТО МЫ

CAN (Climate Action Network) БЕКЦА – самая большая сеть климатических общественных организаций в регионе Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. Наша сеть существует с 2008 года и является частью международной климатической сети Climate Action Network International, которая объединяет более 2000 общественных организаций в 130-ти странах.

На данный момент членами сети являются 66 общественных организаций в 11 странах региона (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина).

Наша работа заключается в поддержке, укреплении и развитии организаций гражданского общества в регионе БЕКЦА для более эффективного противостояния климатическому кризису, разработке и реализации климатической политики, ведущей к климатической справедливости.

Почему мы создали данную позицию

Несмотря на то, что на международном уровне CAN, а также многие правительства, международные организации и финансовые институты давно признали атомную энергетику ложным решением для климатического кризиса, в регионе БЕКЦА все еще существует много дискуссий о роли и развитии этой технологии.

Наша цель – собрать самые актуальные аргументы экспертов касательно атомной энергетики как способа решить климатический кризис. Мы хотим не просто составить список, но и показать на конкретном примере стран региона БЕКЦА почему развитие Атомных электростанций (АЭС) является крайне опасным, невыгодным и неэффективным.

Любая позиция в отношении атомной энергетики является самостоятельной и не может рассматриваться как поддержка использования нефти или иных ископаемых источников энергии.

Обострение геополитических конфликтов и переоценка внутренних стратегий энергетической отрасли привела к усилению позиций атомной энергетики в энергетическом балансе Европы. Совсем недавно, в марте 2026 года в ходе конференции по атомной энергетике в Париже, председатель Европейской комиссии (ЕК) Урсула фон дер Ляйен (Ursula von der Leyen) высказала сожаление о сокращении доли атомной энергии в европейском энергетическом балансе и объявила о цели внедрения малых модульных реакторов (ММР) на всей территории ЕС к 2030 году и гармонизации нормативных актов между государствами-членами.

Политические инициативы и возобновившийся интерес к атомной энергетике закрепились еще в ходе 28-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28), когда 25 стран мира, включая Армению, подписали Декларацию о трехкратном увеличении атомных электростанций к 2050 году. Сегодня под Декларацией подписались 32 страны. Для нас - членов климатической сети CAN

ВЕКЦА, крайне важно оценить политические решения в отношении атомной энергетики с позиции безопасности и климатической целесообразности.

Дебаты вокруг развития АЭС в регионе ВЕКЦА активизировались в последние годы. На данный момент существуют планы по строительству АЭС в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане, развитию атомной энергетики в Беларуси. Общественные обсуждения включая экспертные круглые столы и дискуссии в медиа касательно этих планов часто сопровождаются большим количеством стереотипов и неточностей. Мы хотим предоставить достаточно фактов, чтобы лица, принимающие решения и общественность могли сами убедиться в том, что развитие атомной энергетики в регионе ВЕКЦА уже создает больше проблем, чем положительных решений. В том числе, когда речь идет о решении климатического кризиса.

Атомная энергетика и климат

Потенциал ядерной энергетики в борьбе с изменением климата крайне ограничен, а стоимость и риски для окружающей среды и людей огромны. Атомная энергетика не является низкоуглеродным решением, соразмерным климатическому вызову.

Хотя выбросы CO₂ непосредственно при работе АЭС невелики, полный жизненный цикл, включая добычу и обогащение урана, строительство станций, обращение с радиоактивными отходами, и вывод станций из эксплуатации (декомиссия), дает значительный углеродный след 66 - 146 гр¹ CO₂ экв. на кВт*ч выработанной электроэнергии. Последнее, по ряду оценок, сопоставимо с газовой генерацией при неблагоприятных условиях, превышает показатели ветровых наземных и морских электростанций² и сравнимо со следом солнечных электростанций на основе фотовольтаики³. С учетом того, что ветровые и солнечные станции не отягощены проблемами, которые сопровождают атомную энергетику, то выбор в пользу альтернатив атомным станциям – очевиден. В том числе 2024 год ознаменовался беспрецедентным ростом мощностей солнечной энергетики и систем хранения энергии на батареях, чему способствовало продолжающееся значительное снижение их стоимости. Поскольку энергетические рынки быстро меняются, признаков активного строительства новых атомных электростанций не наблюдается, и медленное сокращение роли ядерной энергетики в производстве электроэнергии продолжается⁴.

¹ Climate change and nuclear power. An analysis of nuclear greenhouse gas emissions, <https://dont-uke-the-climate.org/reports/climate-change-and-nuclear-power.pdf>

² For onshore and offshore wind power respectively, the mean energy intensity value is 0.063 (±0.061 standard deviation on either side of the mean) and 0.055 (±0.037) kWh/kWh; mean GHG emissions are 20 (±14) and 16 (±9.6) g CO₂e/kWh; and mean CO₂ emissions 16 (±14) and 12 (±7.3) g/kWh. Источник: Anders Arvesen, G. Hertwich. Assessing the life cycle environmental impacts of wind power: A review of present knowledge and research needs// Renewable and Sustainable Energy Reviews – October 2012, p. 5994-6006 https://www.researchgate.net/publication/234101386_Assessing_the_life_cycle_environmental_impacts_of_wind_power_A_review_of_present_knowledge_and_research_needs

³ The median published life cycle GHG emissions estimate for c-Si PVs is 57 gCO₂-eq/kWh. Источник: David D. Hsu, Patrick O'Donoghue, Vasilis Fthenakis, Garvin A. Heath, Hyung Chul Kim, Pamala Sawyer, Jun-Ki Choi, and Damon E. Turney. Life Cycle Greenhouse Gas Emissions of Crystalline Silicon Photovoltaic Electricity Generation//Journal of Industrial Ecology - March 2012. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1530-9290.2011.00439.x>

⁴The World Nuclear Industry Status Report 2025, <https://www.worldnuclearreport.org/IMG/pdf/wnisr2025-v2.pdf>

Скорость ввода атомных мощностей несовместима со сроками климатического кризиса

Средний срок строительства одного атомного энергоблока составляет 7-9 лет⁵. Ветровые и солнечные станции сопоставимой мощности вводятся в эксплуатацию за 1–3 года. Ставка на атомную энергетику как климатическое решение означает действие в горизонте, когда решение уже не будет актуальным.

АЭС проигрывают возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) по ключевым показателям эффективности Нормированная стоимость электроэнергии (LCOE) новых АЭС в 3–5 раз выше⁶, чем у наземной ветровой и солнечной генерации. Показатель энергетической отдачи на вложенную энергию (EROI) у ВИЭ продолжает расти по мере совершенствования технологий, тогда как у атомной энергетики этот показатель стагнирует. Строить ВИЭ быстрее, дешевле и с меньшими рисками.

Если в 2010 году объем производства АЭС и суммарно ветровой и солнечной энергетики в мире составлял порядка 2,7 и 0,3 трлн кВт*ч соответственно, то в 2021 году производство зеленой энергетики превысило выработку электроэнергии на АЭС – 2,9 против 2,7 трлн кВт*ч.⁷ В период с 2015 по 2024 год прирост мощностей солнечных фотоэлектрических систем увеличился в десять раз, достигнув почти 540 гигаватт (ГВт) в 2024 году, прирост мощностей ветроэнергетики вырос с 65 ГВт в 2015 году до примерно 115 ГВт в 2024 году. В то же время в атомной энергетике вводилось ежегодно с 2015 года только 8 ГВт в год.

Каждый доллар, вложенный в АЭС, — это доллар, не вложенный в возобновляемую энергетику.

В условиях ограниченных инвестиционных ресурсов атомные проекты прямо конкурируют с ВИЭ за финансирование. Долгий горизонт окупаемости АЭС «замораживает» капитал на десятилетия, лишая энергосистему возможности быстро масштабировать чистую генерацию.

АЭС всё чаще демонстрируют операционную нестабильность в условиях изменения климата.

АЭС показали уязвимость перед такими новыми рисками, как погодные и климатические аномалии. Риск вынужденных и незапланированных остановок в работе АЭС вследствие этих причин растет. Это серьезно сказывается на экономике ядерной энергетики. Согласно информации МГЭИК, в последние десятилетия во всём

⁵ The mean time from construction start to grid connection for the six reactors started up in 2021 was 7.1 years, comparable to 2020 (7.2 years), a clear improvement over the 9.9 years in 2019. In the case of the five units connected in the first half of 2022, the duration was nine years. The World Nuclear Industry Status Report 2022, <https://www.worldnuclearreport.org/IMG/pdf/wnisr2022-v3-lr.pdf> (стр. 53)

⁶ Lazard's Levelized Cost of Energy+ (LCOE+), <https://www.lazard.com/media/202006/lazards-lcoeplus-april-2023.pdf>

⁷ World Energy Outlook 2022, <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf> (стр. 448)

мире отмечается рост числа сбоев в работе АЭС, связанных с изменением климата⁸. На работу АЭС влияют, в том числе, волны жары, которые могут привести к проблемам с охлаждением реакторов и необходимости приостановить их работу. Кроме того, АЭС зависят от источников воды для охлаждения реакторов, а они могут оказаться недоступны из-за засухи. В докладе Агентства по ядерной энергии при Организации экономического сотрудничества сделан вывод, что слишком низкая или слишком высокая температура охлаждающей воды — самые распространенные природные и отдельно погодные явления, ставшие причинами отключений АЭС в мире с 2004 по 2013 год, а общее количество отключений из-за погодных условий в период 2004-2013 гг. составило 2690⁹. По мере дальнейшего роста среднегодовой глобальной температуры, эта проблема может усугубиться. Это актуально для многих стран ВЕКЦА и должно учитываться при принятии решений, связанных с развитием атомной энергетики.

Дополнительные риски атомной энергетики

Риск крупных радиационных аварий сохраняется — и их экономические последствия катастрофичны

Совершенствование систем безопасности снижает вероятность тяжелых аварий, но не устраняет её. Неустранимый “остаточный риск” крупных радиационных аварий не может считаться приемлемым. Хотя вероятность крупной катастрофы невелика, ущерб от неё как для экологии, так и для экономики страны размещения АЭС будет огромен. Авария на АЭС Фукусима-1 в 2011 году обошлась Японии, по различным оценкам, в \$200 млрд и более. Чернобыльская катастрофа 1986 года до сих пор оказывает последствия на здоровье населения и территорий нескольких стран. По информации предоставленной в ООН делегацией Советского союза в 1990 году загрязнение затронуло территорию, на которой располагалось 2224 населенных пункта с общей численностью 824 тысяч человек. Было эвакуировано 116 тысяч человек, выведено из оборота 144 тысячи га сельскохозяйственных угодий и 492 тысячи га лесных угодий¹⁰. Единичная крупная авария способна нанести ущерб, несопоставимый с выгодой от нескольких десятилетий работы станции.

Вполне вероятно, что в случае катастрофы радиоактивное загрязнение распространится на соседние страны, что может стать причиной международных конфликтов. Также не исключены аварии и происшествия на других объектах ядерной инфраструктуры (предприятиях по добыче и обогащению урана, фабрикации топлива, обращения с радиоактивными отходами).

⁸ Climate Change 2022. Mitigation of Climate Change. Working Group III contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/downloads/report/IPCC_AR6_WGIII_Full_Report.pdf (стр. 6-75).

⁹ NEA. Climate Change: Assessment of the Vulnerability of Nuclear Power Plants and Approaches for their Adaptation, 2021. https://www.oecd-nea.org/jcms/pl_61802/climate-change-assessment-of-the-vulnerability-of-nuclear-power-plants-and-approaches-for-their-adaptation?details=true (стр. 51)

¹⁰ Информация об экономических и социальных последствиях аварии на Чернобыльской АЭС, представленная делегациями СССР, БССР и УССР, <https://www.un.org/ru/events/chernobyl/docs/45-342.pdf>

Вся ядерно-топливная цепочка является источником радиационного облучения населения и несет значительные экономические расходы на устранение экологических рисков.

Угрозу представляют не только сами АЭС, но и урановые рудники, заводы по обогащению, предприятия по переработке ядерного топлива и хранилища отходов. Население, проживающее вблизи этих объектов, подвергается хроническому радиационному воздействию, которое слабо контролируется и зачастую не документируется должным образом. Примерами таких угроз могут быть отходы добычи и переработки радиоактивных руд в России¹¹, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, на территории которых накоплено свыше 800 млн. тонн отходов добычи и переработки радиоактивных руд.¹² Чтобы обеспечить проведение работ по экологической реабилитации на семи приоритетных объектах в Центральной Азии был разработан Стратегический генеральный план экологической реабилитации объектов, содержащих уран (SMP), Координационной группой МАГАТЭ по объектам, содержащим уран (CGULS) Секретариатом при поддержке международных организаций и специалистов из стран Центральной Азии (ЦА) и других заинтересованных сторон на период 2025–2030 годов. Общая смета расходов Программы реабилитации ERA в настоящее время составляет 113 миллионов евро¹³.

Развитие атомных технологий неотделимо от риска распространения ядерного оружия

Технологии обогащения урана и переработки отработанного топлива, необходимые для гражданской атомной энергетики, являются теми же технологиями, которые используются для создания оружейных материалов. Расширение числа стран, обладающих полным ядерно-топливным циклом, объективно повышает риск ядерного распространения вне зависимости от декларируемых намерений. Несмотря на усилия международного сообщества по ограничению распространения ядерного оружия Индия, Пакистан, КНДР и, возможно, Израиль создали и испытали ядерные взрывные устройства. Распространение ядерного оружия может серьезно дестабилизировать международную обстановку и повысить вероятность применения ядерного оружия.

Проблема долговременного захоронения радиоактивных отходов по-прежнему не решена

Ни одна страна мира не ввела в эксплуатацию постоянный глубокий геологический могильник для высокоактивных радиоактивных отходов. Между тем некоторые из них сохраняют опасность в течение сотен тысяч лет. Принимать на себя это обязательство перед сотнями грядущих поколений — без гарантии его выполнения — представляется этически недопустимым.

¹¹ Уран нашли на земле, <https://www.kommersant.ru/doc/4434549>

¹² Урановые хвостохранилища в Центральной Азии: местные проблемы, региональные последствия, глобальное решение. Результаты региональной электронной дискуссии Сети CARNet <https://www.caa-network.org/wp-content/uploads/2015/04/UraniumTailings.pdf>

¹³ Strategic Master Plan for Environmental Remediation of Uranium Legacy Sites in Central Asia 2025—2030, https://www.iaea.org/sites/default/files/2026-01/cguls_smp-3.pdf

Вывод из эксплуатации, безопасное прекращение работы (декомиссия) атомных электростанций очень сложный и дорогостоящий процесс который ляжет на будущие поколения.

К 2026 году из эксплуатации выведено более 220 коммерческих, экспериментальных или опытных энергетических реакторов, а также более 500 исследовательских реакторов. Около 25 реакторов полностью демонтированы. Для американских реакторов ожидаемые общие затраты на вывод из эксплуатации варьируются от 544 до 821 миллиона долларов; Для энергоблоков мощностью более 1100 МВт затраты варьировались от 0,46 до 0,73 млн долларов США за МВт, для энергоблоков вдвое меньшей мощности — от 1,07 до 1,22 млн долларов США за МВт. Для финской АЭС «Ловийса» (2 x 502 МВт) смета составила 326 млн евро. Для швейцарской АЭС с реактором PWR мощностью 1000 МВт подробная смета составляет 663 млн швейцарских франков (617 млн евро). В Словакии подробное исследование показало, что общая стоимость вывода из эксплуатации АЭС «Бохунице V1» (2 x 440 МВт) и ее демонтажа к 2025 году составит 1,14 млрд евро¹⁴.

Крупные атомные энергоблоки несовместимы с энергосистемами небольших государств

Стандартный энергоблок АЭС мощностью 1000–1600 МВт составляет значительную долю от всей установленной мощности малых и средних энергосистем. Его внезапное отключение создаёт неуправляемые перепады нагрузки, угрожающие стабильности всей сети. Показательный пример — Беларусь, где энергоблок мощностью 1,2 ГВт был введён в систему суммарной мощностью около 11 ГВт с высокой долей когенерационных ТЭЦ. Атомная генерация вытеснила ТЭЦ из базовой нагрузки, однако полностью отказаться от их работы невозможно — они одновременно производят тепло. В результате в ночные часы зимой ТЭЦ были вынуждены работать в неэкономичном режиме, а для компенсации дисбаланса потребовалось построить дополнительные пиково-резервные мощности свыше 800 МВт и перевести часть ТЭЦ на электродоты — всё это повлекло существенные дополнительные издержки, которые изначально не были заложены в проект. Аналогичные ограничения характерны для большинства стран региона ВЕКЦА, где существующие энергосистемы не рассчитаны на интеграцию генерирующих блоков столь крупного масштаба без существенной модернизации инфраструктуры и значительных финансовых затрат.

Атомная энергетика экономически нежизнеспособна без масштабных государственных субсидий.

Частные инвесторы устойчиво избегают вложений в новые АЭС: слишком длительные сроки реализации, высокие риски удорожания строительства и низкая предсказуемость окупаемости. Это хорошо видно в цифрах: по данным World Nuclear Industry Status Report объём инвестиционных решений в проекты строительства реакторов 2019 года составляют около 31 миллиарда долларов на 5,8 ГВт. Это меньше четверти инвестиций в ветровую и солнечную энергию по отдельности¹⁵. В проекты 2021 года

¹⁴ Decommissioning Nuclear Facilities, <https://world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/nuclear-waste/decommissioning-nuclear-facilities#decommissioning-experience>

¹⁵ The World Nuclear Industry Status Report 2020, https://www.worldnuclearreport.org/IMG/pdf/wnisr2020-v2_lr.pdf (стр. 267)

должно было быть инвестировано 24 миллиарда долларов на 8,8 ГВт — и это около 7% от инвестиций в ВИЭ¹⁶. Стоимость атомной электроэнергии растет, а возобновляемой снижается. Быстрое развитие солнечной энергетики, аккумуляторных систем и силовой электроники ускоряет переход к более гибкой и децентрализованной энергосистеме. На этом фоне атомная энергетика сталкивается с растущими трудностями в интеграции и конкуренции, особенно с учетом продолжающегося снижения стоимости технологий хранения энергии, которые в 2024 году подешевели примерно на 40%¹⁷. Так в США несубсидируемые средние затраты на производство солнечной электроэнергии в период с 2009 по 2021 г. снизились на 90%, а ветровой на 72%, тогда как стоимость атомной энергии выросла на 36%¹⁸. При этом реальная стоимость атомной энергетики систематически занижается: значительная часть издержек перекладывается на государственные бюджеты — через субсидирование строительства, государственное страхование ядерных рисков и регулируемые тарифы.

Отдельная статья скрытых затрат — обращение с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) и радиоактивными отходами, стоимость которого может достигать десятков миллиардов евро на один энергоблок за весь жизненный цикл. Характерно, что в Беларуси, уже эксплуатирующей АЭС, полная стоимость цикла обращения с ОЯТ до сих пор официально не рассчитана. Если включить все эти издержки в реальную цену атомной электроэнергии, её экономическая неконкурентоспособность становится очевидной.

АЭС и ядерная инфраструктура — уязвимые цели в условиях вооружённого конфликта и терроризма.

Атомные станции и другая инфраструктура ядерно-топливной цепочки крайне уязвимы как с точки зрения террористических атак, так и в случае военного нападения. Вторжение России в Украину превратило Запорожскую АЭС, крупнейшую в Европе, в зону постоянной ядерной угрозы. Многократные обстрелы территории станции, захват объекта вооружёнными силами, отключения внешнего электроснабжения поставили мир на грань радиационной катастрофы. Этот беспрецедентный опыт наглядно показывает: АЭС в зоне конфликта становится инструментом ядерного шантажа. Такие же риски возникли в ходе военного конфликта в Иране в отношении АЭС Бушер.

Риски, связанные с атомной энергетикой в регионе ВЕКЦА

Непрозрачность ядерной отрасли делает независимый контроль невозможным.

¹⁶ The World Nuclear Industry Status Report 2022.

<https://www.worldnuclearreport.org/IMG/pdf/wnisr2022-v3-lr.pdf> (стр. 278).

¹⁷ The World Nuclear Industry Status Report 2025

<https://www.worldnuclearreport.org/IMG/pdf/wnisr2025-v2.pdf> (стр. 20)

¹⁸ The annual Levelized Cost of Energy (LCOE) analysis for the U.S. last updated by Lazard, one of the oldest banks in the world, in October 2021, 1074 suggests that unsubsidized average electricity generating costs declined on average between 2009 and 2021 in the case of solar PV (crystalline, utility-scale) from US\$359 to US\$36 per MWh, a fall of 90 percent, and for wind from US\$135 to US\$38 per MWh (a 72 percent fall), while nuclear power costs went up from US\$123 to US\$167 per MWh, an increase of 36 percent (see Figure 52). The World Nuclear Industry Status Report 2022.

Во многих странах ВЕКЦА данные о состоянии ядерных объектов, радиационном фоне и инцидентах засекречены или систематически занижаются. Отсутствие независимого регулятора и реальных механизмов общественного участия означает, что население несёт риски, о которых его не информируют. Отсутствие прозрачности в эксплуатации АЭС ставит под сомнение безопасность работы Белорусской АЭС, расположенной в 18 км от города Островец и в 40 километрах от Вильнюса. Так, в марте 2023 года литовская разведка заявила что Росатом и власть Беларуси скрыли информацию об инцидентах на энергоблоках¹⁹. Проблемы с работой станции подтверждаются многочисленными «плановыми» отключениями энергоблоков при работе АЭС.

Зависимость от технологий узкого круга стран создаёт долгосрочную геополитическую уязвимость

Страны, строящие АЭС, попадают в комплексную зависимость: от российского ядерного топлива (которое, как правило, не имеет альтернативных поставщиков в первые годы эксплуатации), от российских специалистов по техническому обслуживанию, от российских запасных частей и программного обеспечения. Россия использует эту зависимость как инструмент политического давления — опыт Украины, Болгарии и других стран региона это наглядно демонстрирует. События 2022 года сделали эту уязвимость очевидной для всего мирового сообщества.

Коррупционные риски при строительстве АЭС в регионе системны и задокументированы.

Масштабные долгосрочные инфраструктурные проекты с непрозрачным финансированием, межгосударственными кредитными схемами и монопольным подрядчиком создают исключительно благоприятную среду для коррупции. Несколько проектов Росатома в регионе сопровождались скандалами, связанными с непрозрачными условиями контрактов и долговой нагрузкой на национальные бюджеты.

Чернобыльская катастрофа оставила незаживающие раны в исторической памяти региона — и нерешённые практические проблемы

Авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года стала трагедией для всего региона ВЕКЦА. Национальное самосознание таких стран как Беларусь и Украина во многом выстраивалась на основе рефлексии этой аварии, которая повлияла на жизни сотен тысяч людей, привела к радиоактивному загрязнению значительных территории, включая практически все Полесье, стала символом борьбы за экологические права и открытость экологической информации.

Последствия Чернобыля до сих пор ощущаются в Беларуси, Украине, России и других странах: загрязнённые территории, повышенная заболеваемость среди ликвидаторов и населения зон отчуждения, неурегулированные социальные обязательства перед пострадавшими. Советское ядерное наследие — хранилища ОЯТ, закрытые города, заражённые полигоны — по сей день не имеет ни технического, ни финансового решения во многих странах региона. В качестве примера можно назвать урановые

¹⁹ Разведка: Беларусь скрыла инциденты, которые произошли на Островецкой АЭС в 2022 году, <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/razvedka-belarus-skryla-incidenty-kotorye-proizoshli-na-ostroveckoy-aes-v-2022-godu-92753271>

рудники в Кыргызстане и Казахстане. Игнорирование этой исторической памяти при продвижении новых атомных проектов является политически и этически недопустимым.

Так же на безопасность АЭС влияет неблагоприятная сейсмическая и климатическая обстановка в ряде стран региона ВЕКЦА и возраст эксплуатируемых атомных энергоблоков (большинство из них строилось в 1970-80-х годах в СССР) что увеличивает риск аварий и делает атомную энергетику в регионе ВЕКЦА небезопасной.

Наше видение энергетического перехода

При наличии более быстрых, дешевых и безопасных альтернатив, выбор в пользу АЭС становится нерациональным. Для достижения целей Парижского соглашения декарбонизация энергетического сектора в регионе ВЕКЦА должна осуществляться за счет снижения энергопотребления, повышения энергоэффективности и справедливого перехода, в первую очередь на децентрализованную солнечную и ветровую энергетику, как наиболее экономически эффективные²⁰.

В связи с чем мы считаем необходимым отказаться от новых проектов в области ядерной энергетики, а также ископаемого топлива, их прямого и косвенного субсидирования.

Странам ВЕКЦА необходимо переориентировать финансирование и другие меры поддержки энергетического перехода на возобновляемую энергетику, развивать международное сотрудничество, обмен опытом и технологиями в сфере ВИЭ и энергоэффективности.

Совокупность изложенных аргументов приводит нас к однозначному выводу: атомная энергетика не является ни необходимым, ни желательным элементом энергетического перехода в регионе ВЕКЦА.

Климатический кризис требует быстрых, масштабируемых и экономически доступных решений. Возобновляемая энергетика — солнечная, ветровая, геотермальная в сочетании с системами накопления энергии, повышением энергоэффективности и модернизацией сетей — отвечает этим требованиям. Атомная энергетика — нет. Она слишком дорога, слишком медленно, слишком опасна и слишком глубоко встроена в логику монопольной зависимости, от которой регион стремится освободиться.

Мы выступаем за энергетический переход, основанный на следующих принципах:

Скорость и соразмерность. Энергетические решения должны быть введены в эксплуатацию в сроки, соответствующие климатическим целям. Приоритет — технологиям с коротким инвестиционным циклом.

²⁰ 2023: Summary for Policymakers. In: Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change, https://report.ipcc.ch/ar6syrr/pdf/IPCC_AR6_SYR_SPM.pdf

Энергетический суверенитет. Страны региона должны строить энергосистемы, основанные на местных возобновляемых ресурсах, а не воспроизводить зависимость от внешнего монопольного поставщика технологий и топлива.

Безопасность и прозрачность. Энергетическая политика должна формироваться при реальном участии общества, с открытыми данными и независимым регулированием — а не в условиях закрытости, характерной для ядерной отрасли.

Справедливость перехода. Уязвимые сообщества — те, кто уже пострадал от ядерного наследия советской эпохи, кто живёт вблизи действующих объектов ядерно-топливной цепочки, — должны быть в центре политики энергетического перехода, а не его жертвами.

Ответственность перед будущими поколениями. Мы не вправе оставлять следующим поколениям нерешённые проблемы радиоактивных отходов и деградирующей ядерной инфраструктуры в надежде, что они найдут ответы, которых не нашли мы.

CAN ВЕКЦА убеждена: безопасная, доступная и суверенная энергетика региона возможна — и она будет возобновляемой.